

«Воскресение» 24 сент 1976

Завтра — 70 лет со дня рождения Д. Д. Шостаковича

ПРАВО ПЕРВОГО И СПОЛНЕНИЯ

Вся жизнь великого композитора современности Д. Д. Шостаковича была связана с Ленинградом. Здесь он родился, учился, создал семь симфоний, две оперы и много других замечательных произведений. После войны, поселившись в Москве, продолжал активно участвовать в ленинградской музыкальной жизни, подолгу жил и работал в поселках Комарово и Репино, премьеры большинства его сочинений проходили в Ленинградской филармонии. Об этом рассказывается в предлагаемом очерке С. М. Хентовой — фрагменте из ее новой книги «Шостакович в Ленинграде».

морем красавица дева сидит» и «Светает, вытея дикой пеленой», цикл «Из еврейской народной поэзии».

Определился довольно устойчивый количественный уровень активности композитора: он ежегодно выпускал по два-три произведения. 1951 год — Прелюдии и фуги. Десять хороших поэм, музыка к кинофильму «Незабываемый 1919-й», 1952 год — Пятый квартет. Четыре монолога на стихи А. С. Пушкина, кантата «Над Родиной нашей солнце сияет», 1953 год — Десятая симфония. Концерттино. При этом многие сочинения записывались летом, а исполнение приходилось обычно на первую половину концертного сезона, чаще всего на осень.

Для большой семьи — трех дочерей, внуков — Василий Васильевич Варзар, тесть Шостаковича, выстроил дачу в Комарове, близ Академического городка — причудливое строение с огромной комнатой на верхнем этаже, названной «капитанским мостиком», маленькими спальнями и верандами, откуда открывался вид на лесную окрестность. Здесь летом 1953 года сочинялась

Десятая симфония.

На этой даче Шостакович провел летние месяцы: с 1 июля по 20 августа 1952 года, с 22 июля по 5 сентября 1953 года, с 3 июля по сентябрь 1954 года. Сюда к нему добрался кинематографисты из ГДР, чтобы снять кадры летней жизни композитора. Запечатлели его возле цветов, у единственной клумбы. Цветов Шостакович не любил, дома их не держал — это многие знали, но сказать гостям Шостакович постеснялся; терпеливо действовал по сценарию, стараясь облегчить их работу.

На даче Варзаров тяжело-больная Софья Васильевна отдыхала свое последнее лето 1955 года вместе со старшей дочерью Марией и сыном, нежно за ней ухаживавшим.

Отсюда жена Шостаковича физик Нина Васильевна уехала в Армению, на гору Арагац, продолжая цикл исследований состава космических лучей. В Ереване неожиданно обнаружила болезнь, была сделана срочная операция, оказавшаяся неудачной.

Год после смерти жены был единственным, когда Шостакович почти не мог писать. Толь-

ко одно обязательство принял, согласившись за десять дней музыкально оформить картину «Ленфильма» «Овод». Несгибаемый, чистый характер Овода, история его несчастной любви тронули сердце, потрясенное личным горем.

В портфеле лежали романсы на слова Евгения Долматовского — День встречи, День признаний, День обид, День радости, День воспоминаний. Без трагизма композитор обращался к прошлому. К молодости.

В КОНЦЕ пятидесятых годов Шостакович два лета провел на даче Варзаров, каждый раз много работая, иногда и поздней ночью на верхней веранде.

В 1957 году на этой даче часто игралась Одиннадцатая симфония — «1905 год»; приезжали друзья слушать ее в фортепианном показе автора.

Сочинение было приурочено к сороковой годовщине Великой Октябрьской революции и знаменовало заметный поворот к картинности, пластично-зримым звуковым образам, к воплощению в симфонической музыке историко-революционного прошлого. Симфония о революционном Питере возвращала к теме, волновавшей его с юности: Шостакович воплощал образы, близкие своим Второй, Третьей симфониям, однако уже по-иному, уверенно владея законами музыкальной реалистической драмы.

Тематической основой симфонии стал конкретный материал — песни революционного подполья, пролетарской борьбы. У него, мальчиком впитав-

шего эти песни на улицах востановленного Петрограда, они вызвали волнующие чувства — были для него автобиографичны, лично значимы. Еще в 1951 году, создавая хоровой цикл «Десять поэм на слова революционных поэтов», он как центральную часть ввел хор «Девятое января» — о дне «Кровавого воскресенья» с картиной расстрела на Дворцовой площади. Мотив этой фрески перенес и в новую симфонию. В ней преобладают крупный штрих, размашистые мазки. Богатству зрительных и эмоциональных ассоциаций способствует неизбежно возникающий в сознании при слушании симфонии текст известных песен — их припоминание усиливает зримость четырех частей произведения: «Дворцовая площадь», «Кровавое воскресенье», «Вечная память», «Набат».

После симфонии «1905 год» естественным было обращение к теме Великой Октябрьской революционной революции, к ленинской теме, которую впервые испробовал еще в 1924 году, создав тогда эскизы Ленинской симфонии.

Первое сообщение о работе над Двенадцатой симфонией появилось в печати осенью 1960 года. План был колоссальный: в начальной части композитор намеревался рассказать о приезде В. И. Ленина в Петроград в апреле 1917 года, во второй — об исторических событиях 7 ноября, в третьей — о гражданской войне, в финале — о победе Октябрьской революции во всей России.

В процессе работы программность сузилась: посвятив симфонию памяти В. И. Ленина, Шостакович так обозначил содержание частей: «Революционный Петроград», «Разлив», «Аврора», «Заря человечества». Впечатляющей частью стала первоначально не планировавшаяся — «Разлив», повествующая о Ленине-человеке, его чувстве природы, размышлениях перед решающей схваткой, — музыка прозрачная, пасторальная, спокойно распевающая.

С написанием этой симфонии Шостакович в сущности завершил «Ленинградскую трилогию», воплотившую коренные исторические события в его родном городе: Единнадцатая симфония — 1905 год, первая русская революция; Двенадцатая симфония — 1917 год, Великая Октябрьская социалистическая революция и ее вождь В. И. Ленин; Сельская симфония — 1941 год, Великая Отечественная война, героизм ленинградцев в блокаде, в защите Родины.

Выполнив долг перед отечественной историей, он, вслед за Гоголем, Достоевским, Блоком, воздвиг свой памятник Ленинграду.

КОГДА на пятидесятом километре Приморского шоссе, в Репине, в лесу возвели коттеджи для творческой работы и отдыха композиторов, Шостаковичу предложили поселиться в домике № 20.

Коттедж, сохраняющий тот вид, который имел при Шостаковиче, состоит из трех небольших комнат. Дверь с веранды ведет в кабинет, где почти все пространство занимает рояль «Ферстер». У окна стоит небольшой фанерный письменный стол с двумя телефонами — местным и ленинградским, против рояля, вдоль стены — диван.

К спальне примыкает гостиная, обставленная более нарядно: мягкие кресла, радиоприемник, сервант с посудой на случай приезда гостей, сто-

лик с самоваром, в последние шостаковичские годы появился телевизор, чтобы больной не лишился удовольствия смотреть футбольные, хоккейные матчи.

Порядок у Шостаковича в Репине был твердым. Вставал рано и до завтрака успевал поработать. К завтраку являлся ровно в девять, к обеду — ровно в четырнадцать, к ужину — в девятнадцать часов: жившие в Доме творчества отмечали время «по Шостаковичу». Как рабочий человек, дорожащий минутой, ел он торопливо, из-за болезни поддерживая тарелку левой рукой, сжимая ложку или вилку всеми пальцами. Быстро справившись с едой, в вестибюле, где обычно собирались покурить, не задерживался.

Если сочинял, то работал весь день, с перерывами для прогулок по пустынному Лермонтовскому проспекту: так называли узкую дорожку в лесу за Домом творчества.

На письменном столе никогда не замечалось следов работы, черновиков. Процесс записи был рационализирован. Сперва наносился развернутый эскиз, основа, обозначалась «сердцевина» фактуры, ведущие голоса — то был самый напряженный этап полной концентрации на творчестве: сложившееся в воображении обретало контуры.

Второй этап заключался в достаточно чистовой записи партитуры, детализации некоторых элементов, иногда сокращениях или, наоборот, добавлениях, но без ломки или коренных переделок. Партитуру писал, не разлиновывая сперва такты, как делается обычно. С помощью линейки, всегда лежавшей слева от нотной страницы, написав такт, быстро проводил ровную черту... И писал следующий...

Процесс записи сам по себе возбуждал воображение, начертания нот имели для него свой образный смысл, поток мыслей как бы передавался

руке; он называл свою руку «умной» и даже письма никогда не мог диктовать — должен был сам писать.

В общей сложности Шостакович провел в Репине, начиная с 1960 года, восемнадцать месяцев. Двадцатый коттедж так и стали называть — шостаковичским.

Сюда к нему наведывались художники, скульпторы, фотографы, стремившиеся передать облик музыканта. Позировать не любил и не умел из-за неспособности сохранять неподвижность, заданную позу. Художники рисовали его по памяти: так создали, работая неподалеку в дачном домике и видя Шостаковича главным образом на прогулках или в столовой, известный портрет И. Серебряный. Композитор изображен за фортепиано; картина впервые появилась на выставке в Ленинграде и с огромным успехом была показана в 1965 году в Москве на второй республиканской художественной выставке «Советская Россия», после чего была приобретена Государственной Третьяковской галереей. С. Гершуну удалось упрямить Шостаковича посидеть несколько минут, и по наброскам были сделаны портреты в стиле Ренуара: нервный, сосредоточенный человек, черты которого выразительны своей заостренностью.

Множилось число изображений композитора, предпринятых и другими художниками, — в совокупности складывалась своего рода биография в холсте и скульптуре, начавшаяся когда-то в 1919 году кистью проницательного Б. Кустодиева. Кустодиевский портрет Шостаковича-мальчика с нотами Шопена, выглядевший рядом с более поздними работами других мастеров несовершенным, оставался все-таки самым дорогим Шостаковичу, хранился у него в московском кабинете на улице Неждановой.

С. ХЕНТОВА

(Окончание следует)